

К.В. Чугунов

*Россия, Санкт-Петербург
Государственный Эрмитаж*

Феномен искусства Аржана-2 как синтез западных и восточных культурных традиций

В связи с выявленным стилистическим многообразием искусства Аржана-2 [Чугунов, 2011] чрезвычайно важно замечание, что «школа практики – это не только багаж знаний, но и строго направленный путь, изменить который возможно лишь при непосредственном вмешательстве иной школы» [Минасян, 2014. С. 159]. Именно такое вмешательство, вероятно, фиксируется в искусстве Аржана-2. Мастера из оседлых культурных центров, работавшие специально для кочевых вождей по их заказу, выступали в иной для себя культурной среде своего рода «культуртрегерами». Те стилистические новации, которые они приносили в свои изделия, не оставались незамеченными, копировались и продолжали существовать у литейщиков-номадов уже независимо от далёкой художественной школы.

Оседлые ремесленные центры, поставлявшие мастеров-ювелиров вождям номадов, скорей всего могли быть разными для различных областей кочевого мира. Несомненно, существовали транзитные пути, которые также могли иметь разное направление на протяжении истории. Но, вероятно, они были традиционными для сложившейся локальной культуры, имевшей устоявшиеся связи с соседними территориями.

Для комплекса Аржана-2 можно предположить два таких направления – юго-восточное и западное. Показательно, что здесь, по сути, на новом уровне продолжают две выявленные традиции, сложившиеся ещё во время Аржана-1. Регион древнекитайских княжеств Восточного Чжоу, где встречаются орнаменты, похожие на аниконические аппликации на клинке акинака и ряд других мотивов – вероятно, одно из обозначенных направлений. Однако, только мастерами из княжеств Китая, которые скорей всего принимали участие в создании предметов прикладного искусства Аржана-2, не объяснить присутствие в комплексе гранулированных украшений. Зернь появляется в Китае гораздо позже, и самые древние её находки здесь также связаны с памятниками номадов. Поскольку значительное количество изделий, выполненных в такой технике, найдено к западу от Тувы, в памятниках кочевых культур Алтая и Казахстана, то необходимо рассмотреть западное направление связей.

Оно пока может быть обозначено лишь в общих чертах и только в качестве гипотезы. Ряд особенностей иконографии, орнаментальных мотивов и композиционных приёмов в искусстве Аржана-2 позволяют предположить значительную роль в формировании наиболее распространённой стилистики этого богатейшего комплекса ювелирной школы, уходящей своими корнями в культуру эпохи бронзы Бактрии и Маргианы (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), а также генетически связанную с ними культуру архаического Хорезма.

Если допустить сохранение традиций БМАК в не выявленных пока оседлых центрах до появления в степях культур номадов, то сопоставление с этими хронологически отдалёнными материалами получает гипотетическую основу. Техника грануляции, впервые зафиксированная в царских гробницах Ура [Минасян, 2014. С. 321], учитывая генетическую связь цивилизации Маргианы с Месопотамией, вполне могла быть развита в среде мастеров-литейщиков, изготавливавших ещё в эпоху бронзы миниатюрные золотые и серебряные шпильки с фигурками животных, найденные в некрополе Гонура. Исходя из этой гипотезы, находит объяснение удивительная компоновка изображений на шпильках из Аржана-2, которая, по сути, сродни цилиндрическим печатям Древнего Востока. Здесь же была развита техника перегородчатой инкрустации, зафиксированная в Чиликты и Аржане-1, а многочисленные

вставки из бирюзы, орнаментированные сердоликовые бусы могли поступать кочевникам с территории Южной Бактрии или Северной Индии через посредничество тех же центров.

Было бы заманчиво видеть в этих контактах истоки раннего появления в торевтике номадов сцен терзания, но думаю, что причина возникновения таких связанных композиций лежит глубже. Скорей всего, синтез кочевой и земледельческой культуры привел и к синтезу идеологических представлений, которые развивались уже независимо. Искусство – лишь отражение сходного мировоззрения, выработанного у индо-иранских племён в эпоху их становления. В связи с материалами Аржана-2 хочется обратить внимание, что ювелирные шедевры, выполненные в третьей и четвёртой стилистической манерах, связаны по большей части с убранством «царицы». Прослеженный узор её облачения образует пламевидные изогнутые языки, которые поразительно напоминают одеяния, изображённые на композитных статуэтках богинь, распространённых в ареале БМАК [Сарианиди, 2001. С. 49 – 51, рис. 17]. В.И. Сарианиди сопоставляет этот орнамент с типичным шумерийским одеянием «каунакес» и считает, что у этого культа эламо-аккадские корни [Сарианиди, 2001. С. 51]. В русле реконструируемых у номадов племенных культов «священного брака» царя с богиней, женского божества «царского очага» и т.п., уходящих корнями в индоиранскую мифологию [Бессонова, 1983. С. 27 – 40], такое сопоставление не выглядит невероятным. Возможно, что похороненная в основном погребении Аржана-2 женщина олицетворяла подобный культ. Учитывая, что изотопным анализом установлено, что «царица» была уроженкой какой-то отдалённой территории, можно предположить, что и связанный с ней комплекс находок, выделяющийся по стилистике исполнения, был привезён издалека. Не исключено, что клювовидный жертвенник, найденный рядом, указывает на направление поиска этой территории – к западу от Тувы.

Если обратиться к комплексу украшений и атрибутам «царя», то в нём очевидно преобладание юго-восточного компонента. Помимо декора акинака, на это направление связей указывают обоймы пояса и портупей, аналогии которым находятся в северо-восточном Китае [Шульга, 2015]. Узор на облачении «царя» более сложен и, по-видимому, образовывал мотив «сложного завитка», истоки которого возможно также надо искать в орнаментике Древнего Китая.

Таким образом, анализ торевтики Аржана-2 демонстрирует те два компонента, из которых, вероятно, сложился культурный комплекс ранних кочевников в регионе.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб., 2014.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. СПб., 2011.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII – VI вв. до н.э.). Новосибирск, 2015.